

Грамота патриарха
Константинополь-
ского Дионисия
Новгороду (1467):
судьба славянского
перевода*

The Letter of
Patriarch Dionysius
of Constantinople
to Novgorod (1467):
Fate of the Slavic
Translation

Мария Владимировна
Корогодина

С.-Петербургский государственный
университет,
С.-Петербург, Россия

Maria V. Korogodina

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

Резюме

Грамота патриарха Константинопольского Дионисия, отправленная в Новгород в 1467 г. и утверждавшая Григория Болгарина в качестве единственного законного Киевского митрополита, сохранилась в двух списках, вклеенных в одно рукописное Евангелие. Исследование этих списков показывает,

* Исследование выполнено при Санкт-Петербургском государственном университете, при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект «Moscovia & Ruthenia XV–XVII вв.: взаимовлияние письменных традиций в сфере богослужения, канонического права, системы образования и богословия», № 20-18-00171.

Автор выражает сердечную благодарность Николаосу Хрисицидису (Nicolao Chrissidis) за помощь в поиске библиографии и атрибуции лиц и топонимов, связанных с Кизической митрополией.

Цитирование: *Корогодина М. В.* Грамота патриарха Константинопольского Дионисия Новгороду (1467): судьба славянского перевода // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 2. С. 321–337.

Citation: *Korogodina M. V.* (2021) The Letter of Patriarch Dionysius of Constantinople to Novgorod (1467): Fate of the Slavic Translation. *Slověne*, Vol. 10, № 2, p. 321–337.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.2.13

что один из них датируется временем посольства и оформлен как грамота, а не как книжная копия. Это позволяет предположить, что перед нами список перевода, бывший в руках у послов. В приложении приведена публикация грамоты по старшему списку с разночтениями по копии XVII в.

Ключевые слова

Киевская митрополия, Григорий Болгарин, патриарх Константинопольский Дионисий, Новгород, славянские рукописи

Abstract

The Letter issued by the Patriarch Dionysius of Constantinople was sent to Novgorod in 1467 and affirmed Gregory Bulgarian as the only legal Kiev Metropolitan. It is known in two handwritten copies, glued into the same Gospel of 16th century. The research of these copies let us ascertain that one of them was written in 1460th and had the form of the document, not of the bookish copy. We can suppose that ambassadors had this Slavic version of the Letter with them in Lithuania. The Supplements include the text of the Letter according to the oldest copy with alternative readings according to the copy of 17th century.

Keywords

Kiev Metropolis, Gregory Bulgarian, Patriarch Dionysius of Constantinople, Novgorod, Slavic manuscripts

Грамота Константинопольского патриарха Дионисия была отправлена в Новгород в сложнейший период, когда дальнейшая судьба православной церкви в Греции и на Руси была неопределенной. После Ферраро-Флорентийского собора 1439 г. Константинопольские патриархи Митрофан II Митрофон и Григорий II Мамма, пытаясь сохранить целостность церкви, принимали унию с Римом. Это стало основанием для московских властей, чтобы отказаться от подчинения патриарху как нелегитимному и таким способом обосновать отделение от Константинопольской патриархии. Раскол в Киевской митрополии, поставление двух митрополитов, один из которых сидел в Киеве, а другой в Москве, частая смена Константинопольских патриархов, которые то подчинялись Риму, то настаивали на независимости — все это сказалось на поведении светских властей северо-западных русских земель: в середине XV в. правители нередко колебались, лавируя между двумя политическими центрами — Москвой и Вильно. Особенно важным был вопрос, касавшийся такого сильного и своенравного соседа, как Новгород. Только в 1477 г. колебания новгородцев были пресечены великим князем Иваном III, присоединившим Новгород к Москве. За десять лет до этого, в середине 1460-х гг., архиепископ Новгородский Иона не был столь уверен в том, что московский

путь — единственно верный. В 1459 г. он не подписал письмо к литовским епископам, осуждавшее митрополита Григория Болгарина [РИБ, 6, 1880: 631–634, № 84], рукоположенного на Киевскую митрополию патриархом-униатом Григорием Маммой в 1458 г., и не поехал в Москву на поставление митрополитов Феодосия и Филиппа в 1461 и 1464 гг.

После того как в 1467 г. митрополит Григорий Болгарин получил поддержку Константинопольского патриарха Дионисия, отказавшегося от унии с Римом, формально не осталось причин не признавать его в качестве Киевского митрополита. Эта поддержка была выражена в грамоте, отправленной тогда же на Русь патриархом Дионисием [Щапов 1976, 2: 145–147, № 52]¹. Грамота утверждала митрополита Григория в качестве единственного законного архипастыря Киевской митрополии, отказывая в правах митрополиту Ионе и его преемникам. Легитимность митрополита Григория, очевидно, не вызывала вопросов у властей Великого княжества Литовского и Королевства Польского и до благословения патриарха; в то же время патриаршая грамота не могла поколебать московские власти в решении дать отпор ученику митрополита Исидора. Утверждение патриархом Дионисием Григория Болгарина на Киевской митрополичьей кафедре вызвало обострение отношений между Москвой, Константинополем и Вильно и повлекло за собой появление послания великого князя Ивана III Васильевича архиепископу Новгородскому Ионе, где великий князь не только решительно отказывался признать Григория действующим митрополитом, но и доказывал, что Константинопольская патриархия потеряла право называться христианской церковью².

Таким образом, демонстративная поддержка Константинопольским патриархом митрополита Григория была рассчитана не на польские и литовские власти (они и так поддерживали Григория Болгарина) и не на московские власти (их невозможно было бы переубедить), а на такие церковные центры, которые могли колебаться в выборе церковного подчинения. К ним относились в первую очередь Новгород, Псков, Смоленск, которые еще недавно соперничали с Москвой и заключали договоры с литовскими князьями. Именно поэтому грамота патриарха Дионисия адресована «до всея Русское земли и до великого Новагорода». Впрочем, Новгород появляется в грамоте только в виде уточнения в середине текста; в начале же грамоты говорится, что она обращена к «благородным и благовѣрным и христоробивым князям и княгиням, и боярам, и детям

¹ Текст грамоты также переиздан по публикации Я. Н. Шапова в статье архим. Макария (Веретинникова), причем воспроизведен только основной список без разночтений [Макарий (Веретинников) 2013: 43–44].

² Предпосылки и последствия отправления патриархом Дионисием грамоты в Новгород подробно рассмотрены в исследовании [Тарасов 2011: 71–109].

боярским, и купцам, и всему христоимѣнному господне людству». Патриарх апеллирует не к епископам и не к светским властям Литовской или Московской Руси, а к православному населению Киевской митрополии, так что выражение «всее Русское земли» в его грамоте аналогично выражению «вся Руси» в титуле митрополита, охватывающее Киевскую митрополию, независимо от государственных границ.

Между тем опубликованный текст грамоты содержит в себе противоречия, касающиеся адресата. Я. Н. Щапов, обнаруживший два списка грамоты в одной рукописи [Акс64, л. 1об. и 2–2об.], датировал обе копии XVII веком и издал текст по наиболее сохранным спискам [Щапов 1976, 1: 134–136, № 88; 2: 145–147, № 52]. Благодаря исследователю грамота вошла в научный оборот [Аποστολοπούλος, Παϊζη-Αποστολοπούλου 2013: 141–142, π. 45]; но, несмотря на свое значение, со времен издания Я. Н. Щаповым не удостоивалась специального исследования. Греческий оригинал грамоты не разыскан; иных списков, кроме обнаруженных Я. Н. Щаповым, не найдено; две указанные рукописные копии грамоты с тех пор, как они были описаны исследователем, не изучались. Отчасти это объясняется их трудной доступностью: ученый археограф открыл грамоту в рукописи из коллекции графов Тарновских, находившуюся в 1970-х гг. в Ягеллонской библиотеке в Кракове. Несколько лет назад коллекция была перемещена в г. Тарнобжег, родовое имение графов Тарновских, где и хранится в настоящее время.

Список, положенный Я. Н. Щаповым в основу издания, имеет заголовки, согласно которому, грамота («лист») патриарха Дионисия написана «до Москвы». Такое назначение грамоты вызывает удивление: в первых строках грамоты Москва не упоминается никоим образом, а патриарх обращается к православным мирянам; в середине же грамоты адресатом выступает Новгород. В довершение патриарх пишет о Москве как о месте, далеком и чуждом для его читателей:

А што дѣлали на Москвѣ, аж бы того перестали дѣлати, как же указуеть и приказуеть святая головнаа великая церква сборнаа, то бо есть противъ правилъ и противъ закону Божьего. Елико имѣвали на Москвѣ от Ионы и до сихъ часовъ митрополитовъ, тыхъ всихъ великая зборная наша свята церковь не имаеть, а ни держить, а ни имѣнуеть за митрополитовъ, а про то ж бы есте вси приняли и держали.

Очевидно, что, если бы послание было адресовано в Москву, этот пассаж патриарха должен был бы содержать прямое обращение к московским властям.

Еще большее удивление вызывает рукописная традиция грамоты, как она описана Я. Н. Щаповым. Оба списка сохранились в одной рукописи, Евангелии первой половины XVI в., происходившем из Волыни.

Появление такого документа в напрестольном Евангелии для польско-литовских земель кажется естественным, поскольку сохранение в Евангелиях важных документов (преимущественно вкладных грамот) является характерной чертой книжной культуры данного региона [Груша 2015: 84–93; Корогодина 2016; Микульский 2016а]. Однако оба списка грамоты, вклеенные в рукопись одна за другой, были отнесены Я. Н. Щаповым к XVII в., и это обстоятельство требует особого объяснения: зачем понадобилось включать в кодекс две копии одного документа практически одновременно?

Обращение к рукописи, в которой находятся списки грамоты, позволяет решить эти загадки. Первый список вклеен перед началом книжного блока, подобно защитному листу. Лицевая сторона бумаги чистая, текст находится на обороте. Он написан мелким полууставом, ничего общего не имеющим с почерками XVII в. В списке не использована кинноварь. Изначально лист был больше форматом, чем Евангелие *in folio*, он едва поместился целиком, только края строк вместе с боковыми полями оказались утрачены. Утрачено также верхнее поле. Документ начинается с первой строки, находящейся у самого края листа, так что неизвестно, предшествовал ли ей заголовок. Не считая утрат, возникших из-за ветхости бумаги и угасания чернил, пострадавших от воды, а также мелких утрат на краях строк, грамота сохранилась полностью и завершается переводом подписи патриарха, под которой уцелело широкое нижнее поле. Несомненно, такие же поля были и с других трех сторон; следовательно, лист изначально был некнижного формата. До того как оказаться в рукописи, документ хранился сложенным продольно несколько раз — на это красноречиво указывают четыре сгиба, идущие параллельно строкам. Возможно, пятый сгиб утрачен вместе с заголовком и широким верхним полем. Такие сгибы наводят на мысль, что документ был изначально свернут в свиток, а затем смят, сплюснен, что и привело к возникновению продольных сгибов при отсутствии поперечных.

Большой формат листа с крайне широкими полями, текст только с одной стороны бумаги, характерные сгибы, указывающие на то, что лист хранился свернутым, — все это свидетельствует о том, что документ не был записан в тетрадь или книгу, а имел форму грамоты.

Почерк списка представляет собой характерный западнорусский полуустав XV в. Эта датировка подтверждается водяным знаком, который относится к 1460-м гг.³ Следовательно, перед нами не поздняя копия грамоты, а список, возможно, сделанный во время самого посольства.

³ Филигрань — виноградная лоза с листьями. Близко: [Piccard, 14, I: 774], 1460 г. Вид: [Ibid: 773], 1459 г. Тип: [Briquet 1968: 13055, 13056], 1453, 1460 гг.; [Шварц 1989: 309–312], 1460-е гг.

Второй список вклеен в рукопись сразу вслед за первым. Он переписан характерным западнорусским полууставом XVII в. Лист не имеет следов сгибов, значительных загрязнений и потертостей, а его формат и поле текста соответствуют основному блоку рукописи; следовательно, он предназначался специально для этого кодекса. Текст открывается крупным киноварным заголовком с элементами поздней вязи. Филигрань свидетельствует о том, что список был сделан в первой четверти XVII в.⁴ Конец текста утрачен; возможно, он находился на следующем, потерянном в настоящее время листе. Можно полагать, что в 1610-х гг. сохранность раннего списка грамоты, долгое время бытовавшего в виде самостоятельного документа, вызвала тревогу, и владелец решил скопировать текст на случай, если оригинал будет утрачен или совсем перестанет читаться. Так в одном кодексе оказалось два списка документа: оригинал и копия. Поздний список отличается рядом различий от более раннего, которые объясняются отчасти плохой сохранностью раннего текста, отчасти, вероятно, невнимательностью писца.

Это не единственное послание патриарха Дионисия в славянские страны: в сербской рукописи XVI в. сохранилось начало его грамоты некоему митрополиту [*Обол88*, л. 218об.; Мошкова 2016; Eadem 2020: 326–335]. Учитывая происхождение сербского списка, маловероятно, чтобы грамота предназначалась Киевскому митрополиту. Таким образом, грамота в Новгород — единственное известное послание патриарха Дионисия на Русь.

Грамота патриарха Дионисия, несомненно, написанная по-гречески, была привезена митрополитом Кизическим Неофитом и архимандритом Христофором, возглавлявшим монастырь святых великомучеников Феодора Тирона и Феодора Стратилата. Митрополит Кизический Неофит впервые упоминается перед самой поездкой на Русь как участник соборных заседаний в Константинополе в первой половине января 1467 г. и 15 числа того же месяца; Д. Апостолопулос и М. Пайзи-Апостолопулос предполагают, что он был поставлен на кафедру незадолго до этого [*Αποστολοπούλος, Παϊζη-Αποστολοπούλου* 2011: 111–114; *Αποστολοπούλος, Παϊζη-Αποστολοπούλου* 2013: 137, 138].

Архимандрит Христофор возглавлял монастырь с необычным посвящением обоим мученикам Феодорам. Известно несколько подобных обителей, в том числе в Константинополе, Иерусалиме и на Афоне [Walter 2003: 63]. Прояснить вопрос о местонахождении монастыря помогает послание инока Афанасия к русскому митрополиту, сохранившееся в сборнике митрополичьих грамот *Увар512*, л. 323–325 [РФА, 3:

⁴ Герб Рогои́ (всадник в круге). Вид: [Laucevičius 1967: 3508, 3509], 1614–1621 гг. Тип: [Siniarska-Czaplicka 1969: 820, 821], 1619, 1621 гг.

598]. На необычное послание некоего Афанасия, попавшего в плен путешественника («странного и плененного»), оправдывавшегося в связи с обвинениями в ереси и называвшего себя постриженником монастыря святых Феодоров («въ святѣи Кизитѣской божественѣи обители святых и славных великихъ мученикъ Федоровъ»), обратил внимание Е. Е. Голубинский [1905: 206]. Исследователь отождествил автора послания с участником полемики с псковичами о двоении аллилуйи. Н. И. Серебрянский, отвергнув атрибуцию Е. Е. Голубинского, опубликовал послание Афанасия по рукописи *Увар512* [Серебрянский 1908: 537–538], указал на расположение монастыря Феодора Тирона и Феодора Стратилата в Кизической епархии и принял предположение архимандрита Леонида (Кавелина) о том, что адресатом послания был митрополит Иона [Леонид 1894, 4: 38; Серебрянский 1908: 505–506].

Наблюдения исследователей можно дополнить. Почти невероятно, чтобы русский язык был для кизического инока родным; можно с уверенностью предположить, что оригинал послания был написан по-гречески. С переводным характером текста связаны неточности словоупотребления, в том числе «проповедник» в значении «доносчик»; или «держю, укрепляю» в значении «крепко придерживаюсь». В отличие от грамоты патриарха Дионисия, перевод послания Афанасия выполнен на древнерусский язык без признаков «русской мовы»; с учетом «аканья» («лжасловесника», «понежа») перевод можно предположительно отнести к московскому региону. Это свидетельствует о том, что послание адресовано митрополиту, сидевшему в Москве, а не в Киеве. Леонид (Кавелин) полагал, что послание предназначалось митрополиту Ионе, исходя из атрибуции текстов, соседствующих с посланием в рукописи *Увар512*. Однако посланию сопутствуют также сочинения митрополита Феодосия; несомненно, адресатом мог являться один из преемников митрополита Ионы.

В горестном воззвании обвиняемого к митрополиту удивляет, прежде всего, умолчание Афанасия о причинах его приезда в Московию из весьма далекой Кизической митрополии и об обстоятельствах пленения, как и отсутствие ссылок на имена спутников и благодетелей, столь обычные для заезжих греков. Редкое посвящение монастыря святым Феодору Тирону и Феодору Стратилату в сочетании со столь же редким появлением в восточнославянских землях представителей Кизической митрополии заставляет предполагать, что Христофор, игумен монастыря двух святых Феодоров, спутник митрополита Кизического Неофита, и Афанасий, инок кизического монастыря двух святых Феодоров, были насельниками одной обители. Их появление в близкое время в восточнославянском регионе может означать, что инок Афанасий

являлся неизвестным ранее участником посольства, отправленного в Новгород в 1467 г. патриархом Дионисием. Возможно, он отбил от своих спутников и попал в плен. Это объясняет нежелание Афанасия упоминать об обстоятельствах приезда в русские земли и вспоминать имена своих спутников, ведь патриарх Дионисий и участники посольства отказывались признать сан московских митрополитов и призывали новгородцев подчиниться единственному истинному пастырю — Григорию Болгарину. Этого было достаточно для обвинений в ереси; и стремлением разубедить адресата объясняется неумеренное восхваление Афанасием московского митрополита, в котором следует видеть Филиппа (1464–1473), ко времени которого относится посольство греков с грамотой патриарха Дионисия.

Сочетание этих указаний позволяет считать, что речь идет о монастыре святых Феодора Тирона и Феодора Стратилата в Кизической митрополии. Н. И. Серебрянскому не удалось разыскать такой монастырь. Новейшие исследования подтверждают выводы ученого: в Кизической митрополии неизвестен монастырь святых Феодора Тирона и Феодора Стратилата, но есть сведения о соименной церкви, расположенной в городе Артаке [Μακρίης 1955: 159; Janin 1975: 194], который стал центром митрополии в XV столетии [Kiminas 2009: 76]. Поскольку сообщения об архимандрите Христофоре и иноке Афанасии независимо свидетельствуют о существовании монастыря святых Феодоров, можно предположить, что церковь в Артаке — все, что осталось от небольшой обители, запустевшей во время владычества Османской империи.

О посольстве митрополита Неофита и архимандрита Христофора известно только из самой грамоты. Успешность переговоров и путь, который они проделали, остаются неизвестными. Судя по раздраженной отповеди архиепископу Ионе, которая последовала со стороны великого князя Ивана Васильевича, он был хорошо осведомлен о намерениях послов отправиться в Новгород: «[П]осла патреарша, ни Григорьева, и въ землю свою впускать не велѣть. [...] Которыми дѣлы, отче, тотъ посоль патреаршь пойдет к тобѣ, [...] никоторому посланью патрияршу, ни Григорьеву не вѣрили» [РИБ, 6, 1880: 711–712, № 100]. Впрочем, великий князь сообщал, что узнал о готовящемся посольстве в Новгород от Иосифа, митрополита Кесарии Филипповой, который в это время находился в Константинополе. Неизвестно, видел ли Иван III грамоту патриарха Дионисия. Ко времени написания послания архиепископу Новгородскому Ионе, великий князь знал только о подготовке греческого посольства.

Таким образом, имеющиеся источники не позволяют ответить на вопрос, какой была судьба посольства, добрался ли Кизический митрополит со своим спутником до далекого Новгорода. Несомненно, что

глава посольства благополучно вернулся обратно: митрополит Неофит упоминается в платежных документах Константинопольской патриархии в 1474 г., его подпись стоит под резолюцией собора 1484 г. [Ζαχαριάδου 1996: 132; Αποστολοπούλος, Παϊζη-Αποστολοπούλου 2011: 125–129, 195–197; Αποστολοπούλος, Παϊζη-Αποστολοπούλου 2013: 152–154, 201–202]. Поездка с новгородской грамотой, судя по всему, была единственным эпизодом, связывавшим митрополита Неофита со славянскими землями.

Можно предположить, что митрополит Неофит и архимандрит Христофор прибыли в Великое княжество Литовское через православное Молдавское княжество, сохранявшее связи с Константинопольским патриархатом⁵. Возможно, перевод грамоты был сделан вскоре после пересечения границы. Перевод был необходим как властям Великого княжества Литовского для понимания, каковы цели необычного посольства; так и самим послам. Учитывая, что грамота была адресована православным «всая Руси», им предстояло показывать ее и объяснять свои намерения по пути к Новгороду. Несомненно, перевод грамоты должен был значительно упростить общение послов с властями во время их путешествия, поскольку знатоки греческого языка могли встретиться им далеко не везде.

Грамота переведена на «руську мову», и это убеждает нас в том, что перевод подготовлен не в Новгороде, причем его автором вероятнее всего был канцелярист, а не клирик, который мог бы изложить грамоту на церковно-славянском языке. В тексте присутствует целый ряд лексем, характерных для «руськой мовы» и не употреблявшихся в московских или новгородских землях: *щкота, ужиток, пеклование, звичаи, до сих часов, подлуг* и многие другие. Это язык документов, выходивших из-под пера писарей, служивших при канцеляриях в Великом княжестве Литовском и использовавших «руську мову» в качестве обывденного языка, понятного основной части населения [Груша 2015: 294–295; Темчин 2020: 100–101].

Учитывая язык перевода и особенности раннего списка грамоты (его датировку, формат, хранение в свитке), можно полагать, что он был подготовлен во время самого посольства и должен был служить официальным переводом послания патриарха, который послы имели при себе или который был представлен в качестве официального документа в канцелярию великого князя Литовского и короля Польского Казимира.

⁵ После падения Константинополя митрополит в Сучаву начал ставиться без участия Константинопольского патриарха, что фактически означало автокефалию [Драгнев 2017: 407]. Однако неверно было бы говорить о полном разрыве Молдавских митрополитов с греческим миром и Константинопольской церковью, учитывая сохранение связей с книжными и духовными центрами.

Рукописная традиция грамоты не позволяет ответить на вопрос, попала ли она в Новгород или в иные земли Московского государства. Неизвестно ни списков, ни упоминаний грамоты в рукописях и сочинениях, созданных в землях, подчинявшихся Московскому митрополиту. Евангелие первой половины XVI в., в которое вклеены оба списка, было вложено в 1549 г. в церковь Николая Чудотворца в Милецком монастыре на Волыни, отстраивавшемся под покровительством маршалка Волынской земли Федора Андреевича Сангушко [Акц64, л. 22об.; Щапов 1976, 1: 134; 2, № 22]. Кроме того, грамота дважды упоминается в «Обороне унии» Льва Кревзы, изданной в 1617 г. [РИБ, 4, 1878: 235, 270]⁶. Кревза сообщает, что грамота патриарха Дионисия была приписана в конце принадлежащего ему списка «Правил»⁷ и пересказывает ее. Таким образом, еще одна копия грамоты находилась в рукописи, бытовавшей на территории Великого княжества Литовского. Судя по водяным знакам второго списка грамоты из волынского Евангелия, эта копия была снята с обветшавшего оригинала в конце 1610-х гг. Возможно, именно «Оборона унии» привлекала внимание владельца к ценной грамоте и побудила его скопировать документ в рукопись.

Это показывает, что, несмотря на редкость списков, грамота не осталась лишь историческим курьезом. Она имела значение для утверждения Киевских митрополитов в Великом княжестве Литовском и Королевстве Польском и служила обоснованием их легитимности. Можно предполагать, что, даже если грамота не дошла до Новгорода, она способствовала попыткам включить Новгородскую епархию в сферу влияния Киевского митрополита. Об этом косвенно свидетельствует необычная Кормчая книга [Акц71; Щапов 1976, 1: 136–154; Микульский 2016б; Stradomski 2018а; Idem 2018б], составленная вскоре после 1476 г. (т. е. накануне взятия Новгорода войсками Ивана III) для управления Киевской митрополией. Нижняя граница создания Кормчей определяется чином освящения антимиаса, в котором сохранилась дата 6985 (1476/1477 г.) [Акц71, л. 367]. В рукописи есть существенно более поздние материалы [Акц71, л. 393–395]: формулярное послание, основанное на послании 1493 г. митрополита Ионы Глезны [Турилов 2003], а также перечень податей Киевского Софийского собора. Однако эти материалы написаны на вставном двойном листе [Микульский 2016б: 61, 62], поэтому их датировка и связь с Киевом не может иметь значения для решения вопроса о времени и месте создания рукописной книги. В Кормчей

⁶ На упоминание грамоты в сочинении Льва Кревзы обратил внимание Ю. Н. Микульский [2016б: 66].

⁷ Список Кормчей книги («Правил»), в который была бы включена грамота патриарха Дионисия, остается неизвестным.

представлены новгородские материалы: «Вопрошание Кирика» и «Проскумисание святым Гурию, Самону и Авиву». Если первый памятник, хотя и не потерял связь с Новгородом, все же вышел далеко за его пределы и переписывался вне новгородских рукописей, то особый чин «Божиего суда» для поимки воров по молитве трем исповедникам был утвержден в 1410 г. архиепископом Новгородским Иоанном и использовался только в новгородских землях [Макарий (Булгаков), 3, 1995].

Включение этих материалов в официальную Кормчую книгу показывает, что до 1476 г. светские и церковные власти Великого княжества Литовского и Королевства Польского продолжали надеяться, что Новгород войдет в Литовскую, а не Московскую Русь, подобно тому, как на это рассчитывал патриарх Дионисий и митрополит Григорий Болгарин, отправляя в Новгород грамоту в 1467 г.

В ходе дальнейшего формирования двух сильнейших государств — Московского и Речи Посполитой — судьба Новгорода была решена, а митрополия окончательно разделилась на две независимые части. К первой четверти XVII в., когда неизвестный владелец копировал ветхий документ, трудно было вообразить, что патриарх когда-то мог призывать Новгород к самостоятельному выбору. Для копии грамоты в начале XVII в. был подготовлен новый заголовок, взамен утраченного в оригинале, согласно которому грамота была адресована в Москву — столицу княжества, отказывавшегося признать легитимность Киевского митрополита Григория Болгарина.

Ниже публикуется текст грамоты по старшему списку: [Акс64, л. 1об.], обозначенному **Ст.** Разночтения подведены по младшему списку: [Акс64, л. 2–2об.], обозначенному **Мл.** Текст воспроизводится гражданским шрифтом, титла раскрываются, выносные литеры вносятся в строку. Знаки препинания соответствуют современным правилам пунктуации. Утраты и нечитаемые места реконструируются в квадратных скобках [] по младшему списку или по смыслу, если в младшем списке отсутствует данный фрагмент текста. Чтения, которые присутствуют только в младшем списке, но по нашему предположению не принадлежат первоначальному тексту, а были добавлены в XVII в., отмечены фигурными скобками { }.

[Лист Дионисия Патриархи Константинопольского до {Москвы}⁸ писаны.

Которые велико найдены] в богоспасаемой и богохранимой во всеи земли Русской благороднии и благовѣрнии и христор[любивые князи и]

⁸ Так в Мл. Предположительно, в оригинале перевода не было указания на Москву; обоснование см. в исследовании.

княгини, и⁹ бояре, и [дети] боярские, и купци, и все христоимѣнитое господне людство, о светѣмъ Дусѣ возлю[бленые ча]да нашего смирънѣна, благодать вамъ всимъ и миръ и милость и благословение¹⁰ от вседержителя Бога. Светая головная [апостолская] церковь имаючи потрѣбно всихъ православныхъ христианъ напоминати и научати оными, [которые] суть ко ужитку душъ ихъ, и тако жь осмотрѣла у великой земли Русской покоя и миру нѣтъ у [духо]венствѣ, а погоршения за правду и раздѣления умножилася. Ино церковь Божия не судила тому [подо]бно быти, абы пеклования не имѣти, аж бы за правду погоршения и соромоты перестали, а покои [и е]дноть бы ся вернула, занже¹¹ Богъ миръ есть¹², а где два, а¹³ любо три в мирѣ, тамъ Богъ межи ими есть¹⁴. [И] святыи апостоль вспоминаючи глаголетъ: на всяком мѣстѣ¹⁵ покоя и миру¹⁶ ищите¹⁷. Тако же вы какъ добрыи и благов[ѣрные] христиане заповѣди Божия многия исполняйте и вчините в томъ Господа Бога волю¹⁸ и покой и миръ, [ко]торые же есте имѣли первыхъ старыхъ часовъ. А имѣли бы есте одну церковь, а одного митропо[ли]та, а про то же бы ся есте приложили к нему в годность¹⁹, аж бы была одна церковь, а в ней одинъ пастырь²⁰, [абы с того панъ] Богъ похваленъ былъ, которые же рушаетъ все погоршение и раздѣление, а диаволь²¹ прогнан [бы]ваетъ. [А] того жь для шлемъ до всея Русское земли и до великого Новагорода наши послы, митропо[ли]та Кизицкого, о святомъ Дусѣ возлюбленного брата и сослужбника нашего смирънѣна киръ Неофита, и че[ст]нейшого инока и игумена и архимандрита честного монастыря святыхъ²² великомученикъ Феодоровъ Ти[рона] и Стратилата, о святомъ Дусѣ возлюбленного сына нашего смирънѣна киръ Христофора, иж бы полную [вѣ]ру дали вамъ всимъ о пресвященного митрополита Киевского и всея Руси киръ Гри-

⁹ нет *Мл.*

¹⁰ написано над строкой и благословение *Ст.*

¹¹ за иже *Мл.*

¹² 1Кор 14:33.

¹³ нет *Мл.*

¹⁴ Мф. 18: 20.

¹⁵ мѣстѣцу *Мл.*

¹⁶ нет и миру *Мл.*

¹⁷ Ср. 1Тим 2:2.

¹⁸ *вм. волю Господа Бога Мл.*

¹⁹ едноть *Мл.*

²⁰ Ин 10:16.

²¹ испр. из дѣволь *Ст.*

²² монастыря святыхъ утрачено в *Мл.*

гориа, ижъ есть [бла]годатию Божьею к вѣрѣ и к полности²³ и в законѣ и обычаи наше святое зборное великое церкви Цареграда, [и к вам] даетъ общующии. В годности с нами брать и сослужебникъ нашего смирънѣна, про то же годно е[сть то]лько бы тотъ одинъ былъ митрополитъ истинный и²⁴ правый на всеи Русской земли, подлугъ старого [обычая] и звычая Русского неподобно²⁵ бо²⁶ есть, абы старыи обычаи и извычаи изламанъ былъ старыи. [А есть то]тъ митрополитъ истинно Киевский и всея Руси киръ Григории, человекъ навелеумны, наро[жень] и вскормленъ и наученъ во Цариградѣ великими добротами и духовными щедротами освѣ[щенъ]. А што дѣлали на Москвѣ, аж бы того перестали дѣлати, как же указываетъ и приказуетъ святая [го]ловнаа великая церква сборнаа, то бо²⁷ есть противъ правилъ и противъ закону Божьего. Ели[ко] имѣновали на Москвѣ от Ионы и до сихъ часовъ митрополитовъ, тыхъ всихъ великая зборная [н]аша свята церковь не имаеть, а ни держитъ, а ни имѣнуеть за митрополитовъ²⁸, а про то ж бы есте в[си пр]иняли и держали, бы есте и послушни были его и имѣли его правого и истинного митрополита [пред]реченного преосвященного митрополита Киевского и всея Руси киръ Григориа, о святомъ Дусѣ возлюбленого [бр]ата и сослужебника²⁹ нашего³⁰ смирънѣна, иж бы былъ весь миръ и покои, иж бы на первыи обычаи ин[о звы]чаи и на уставленье закону обернулася вся Русская земля. А хто бы хотѣлъ свою волю дѣ[я]ти, а не быти послушонъ наше святое великое зборное церкви, а не всхочеть принять, а ни им[ѣт]и его, а ни послушонъ быти во всемъ дѣлѣ духовномъ, тотъ имаеть быти у винѣ, подлугъ правил [п]риказаниа святыхъ отецъ, супротивление дѣлающии святой церкви и в ней погоршение и раздѣление, [то] бо есть великая щкота души. Достоино есть всякому стеречися от тое вины, абы не впал [в] тую вину. А благодать и миръ и милость вседержителя Господа Бога да будетъ со всѣми вами. Писано в Цариградѣ месяца февралѣ 18, индикта 15.

Дионисие, милостью Божьею архиепископъ Костантия града Новаго Рима и вселенский патриархъ.

²³ повинности *Мл.*

²⁴ нет *Мл.*

²⁵ буквы *бно* написаны над строкой.

нет *Мл.*

²⁷ *вм. бо то Мл.*

²⁸ пропущены буквы *то Мл.*

²⁹ *вм. сослужителя Мл.*

³⁰ на этом обрывается список *Мл.* Дальнейшие утраты в *Ст.* восстанавливаются по смыслу.

Библиография

Источники

*Рукописи славянские**Обол88*

РГАДА, ф. 201, собр. М. А. Оболенского, № 88, Сборник смешанного содержания, первая четверть XVI в.

Увар512

ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 512, Сборник, вторая четверть XVI в.

Акс64

Исторический музей (Тарнобжег), Акс. 64/1952, Евангелие, первая половина XVI в.

Акс71

Исторический музей (Тарнобжег), Акс. 71/1952, Кормчая книга, последняя треть XV в.

Издания

РИБ, 4, 1878

Памятники полемической литературы в Западной Руси (= Русская историческая библиотека, 4, 1), П. Гильтенбрандт, ред., С.-Петербург, 1878.

РИБ, 6, 1880

Памятники древнерусского канонического права (= Русская историческая библиотека, 6, 1: Памятники XI–XV в.), 1-е изд., А. С. Павлов, ред., С.-Петербург, 1880.

РФА, 3, 1987

Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века, А. И. Плигузов, Г. В. Семенченко, Л. Ф. Кузьмина, подгот. текста, В. И. Буганова, ред., 3, Москва, 1987.

Αποστολοπούλος, Παϊζη-Αποστολοπούλου 2011

Αποστολοπούλος Δ.Γ., Παϊζη-Αποστολοπούλου Μ., *Επισήμα κείμενα του Πατριαρχείου Κωνσταντινουπόλεως. Τα σωζόμενα από την περίοδο 1454–1498*, Αθήνα, 2011.

Αποστολοπούλος, Παϊζη-Αποστολοπούλου 2013

Αποστολοπούλος Δ.Γ., Παϊζη-Αποστολοπούλου Μ., *Οι πράξεις του Πατριαρχείου Κωνσταντινουπόλεως. Έπιτομή – Παράδοση – Σχολιασμός*, 1: 1454–1498, Αθήνα, 2013.

Литература

Голубинский 1905

Голубинский Е. Е., *К нашей полемике со старообрядцами (дополнения и поправки к полемике относительно общей ее постановки и относительно главнейших частных пунктов разногласия между нами и старообрядцами)*, Москва, 1905.

Груша 2015

Груша А. И., *Документальная письменность Великого княжества Литовского (конец XV – первая треть XVI в.)*, Минск, 2015.

Драгнев 2017

Драгнев Э., Молдавская митрополия, *Православная энциклопедия*, 46, Москва, 2017, 399–422.

Корогодина 2016

Корогодина М. В., Евангелие Пинского Лещинского монастыря 1506–1513 годов, *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXVIII международной научной конференции. 14–16 апреля 2016 г.*, Москва, 2016, 292–295.

Макарий (Булгаков), 3, 1995

Макарий (Булгаков), митр., *История русской церкви*, 4, 3: *История Русской церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240–1589)*, 1: *Состояние*

- Русской церкви от митрополита Кирилла II до митрополита св. Ионы или в период монгольский (1240–1448)*, Москва, 1995.
- Макарий (Веретенников) 2013
Макарий (Веретенников), архим., Роль и значение митрополита Филиппа I в русской церковной истории, *История и культура Ростовской земли. Материалы научной конференции*, Ростов, 2013, 21–54.
- Микульский 2016a
Микульский Ю. М., Граматы з напастольнаго Евангелля Лешчанскага манастыра ў Пінску пачатку XVI ст., *Беларуская даўніна. Studia et fontes*, 3, Мінск, 2016, 201–219.
- 2016b
Микульский Ю. Н., Кормчая книга XV в. из коллекции графов Тарновских: к истории архива западнорусских митрополитов, *Беларуская даўніна. Studia et fontes*, 3, Мінск, 2016, 57–66.
- Мошкова 2016
Мошкова Л. В., Долгие путешествия сербского сборника, *Вестник Альянс-Архео*, 16, Москва, С.-Петербург, 2016, 38–58.
- Серебрянский 1908
Серебрянский Н. И., *Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле с критико-библиографическим обзором литературы и источников по истории псковского монашества*, Москва, 1908.
- Тарасов 2011
Тарасов А. Е., Церковь и подчинение Великого Новгорода, *Новгородский исторический сборник*, 12, Москва, С.-Петербург, 2011, 71–109.
- Темчин 2020
Темчин С. Ю., Языки восточнославянской культуры Великого княжества Литовского и Польского королевства и религия, *Религия и русь, XV–XVIII вв.*, А. В. Доронин, ред., Москва, 2020, 93–106.
- Турилов 2003
Турилов А. А., «Правило и наказание о душегубстве» и Послание митрополита Ионы Глезны вяземскому попу Давыду, *От Древней Руси к России нового времени: Сб. ст.: К 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич*, Москва, 2003, 101–107.
- Janin 1975
Janin R., *Les églises et les monastères des grands centres byzantins: Bithynie, Hellespont, Latros, Galèsios, Trébizonde, Athènes, Thessalonique*, Paris, 1975.
- Kiminas 2009
Kiminas D., *The Ecumenical Patriarchate. A History of Its Metropolitanates with Annotated Hierarchy Catalogs* (= Orthodox Christianity, 1), San Bernardino, California, 2009.
- Μακρής 1955
Μακρής Κ., Κυζικηνή χερσόνησος. Η παροῦσα κατάστασις της, *Μικρασιατικά Χρονικά*, 6, 1955, 149–188.
- Stradomski 2018a
Stradomski J., Dwie nietypowe redakcje Kormczej Św. Sawy w zbiorach rękopisów cerkiewnych w Polsce, *Scala paradisi. Академику Димитрију Богдановићу у спомен. 1986–2016*, Београд, 2018, 357–373.
- 2018b
Stradomski J., Dzikowskie księgi Kormcze jako część spuścizny kulturowej prawosławia w państwie polsko-litewskim, *Dzikoviana. Rocznik Muzeum Historycznego miasta Tarnobrzega*, 4, Tarnobrzeg, 2018, 37–54.
- Walter 2003
Walter Ch., *The Warrior Saints in Byzantine Art and Tradition*, Ashgate, 2003.

Заχαριάδου 1996

Заχαριάδου Ε. Α., *Δέκα τουρκικά έγγραφα για την Μεγάλη Εκκλησία (1483–1567)*, Αθήνα, 1996.

Словари, справочники, каталоги

Леонид, 4, 1894

Леонид (Кавелин), архим., *Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова*, 4, Москва, 1894.

Мошкова 2020

Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов, 3: *Сборник аскетический — «Священные параллели» Иоанна Дамаскина*, И. Л. Жучкова, Б. Н. Морозов, Л. В. Мошкова, сост., Л. В. Мошкова, ред., Москва, 2020.

Шварц 1989

Шварц Е. М., *Новгородские рукописи XV века: кодикологическое исследование рукописей Софийско-Новгородского собрания Государственной Публичной Библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина*, Москва, Ленинград, 1989.

Щапов 1976

Щапов Я. Н., *Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской народной республики*, 1–2, Москва, 1976.

Briquet 1968

Briquet Ch., *Les Filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier dès leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600*, 1–4, Amsterdam, 1968.

Piccard, 14, 1983

Die Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart, 14, *Wasserzeichen Frucht*, von Gerhard Piccard, bearb., 1983.

Laucevičius 1967

Laucevičius E., *Popierius Lietuvoje XV–XVIII a.*, Vilnius, 1967.

Siniarska-Czaplicka 1969

Siniarska-Czaplicka J., *Filigrany papierni położonych na obszarze Rzeczypospolitej Polskiej od początku XVI do połowy XVIII wieku*, Wrocław, Warszawa, Kraków, 1969.

References

Dragnev E., *Moldavskaia mitropoliia, Pravoslavnaia entsiklopediia*, 46, Moscow, 2017, 399–422.

Grusha A. I., *Dokumental'naia pis'mennost' Velikogo kniazhestva Litovskogo (konets XV – pervaya tret' XVI v.)*, Minsk, 2015.

Janin R., *Les églises et les monastères des grands centres byzantins: Bithynie, Hellespont, Latros, Galésios, Trébizonde, Athènes, Thessalonique*, Paris, 1975.

Kiminas D., *The Ecumenical Patriarchate. A History of Its Metropolitanates with Annotated Hierarchy Catalogs* (= *Orthodox Christianity*, 1), San Bernardino, California, 2009.

Korogodina M. V., *Evangelie Pinskogo Leshchinskogo monastyrja 1506–1513 godov, Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny v sovremennom nauchnom znanii: Materialy XXVIII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. 14–16 aprelya 2016 g.*, Moscow, 2016, 292–295.

Makarii (Bulgakov), mitr., *Istoriia russkoi tserkvi*, 4, 3: *Istoriia Russkoi tserkvi v period postepenno perekhoda ee k samostoiatel'nosti (1240–1589)*, 1: *Sostoianie Russkoi tserkvi ot mitropolita Kirilla II do mitropolita sv. Iony ili v period mongol'skii (1240–1448)*, Moscow, 1995.

Makarii (Veretennikov), arch., *Rol' i znachenie mitropolita Filippa I v russkoi tserkovnoi istorii, Istoriia i kul'tura Rostovskoi zemli. Materialy nauchnoi konferentsii*, Rostov, 2013, 21–54.

Mikulski Yu. N., *Kormchaia kniga XV v. iz kolleksii grafov Tarnovskikh: k istorii arkhiva za padnorusskikh mitropolitov, Belaruskaja daŭnina. Studia et fontes*, 3, Minsk, 2016, 57–66.

Mikulski Yu. N., *Hramaty z naprastoŭnaha Jehvanhiellia Lieščanskaha manastyrja ŭ Pinsku pačatku XVI st., Belaruskaja daŭnina. Studia et fontjes*, 3, Minsk, 2016, 201–219.

Moshkova L. V., Dolgie puteshestviia serbskogo sbornika, *Vestnik Al'ians-Arkheo*, 16, Moscow, S.-Petersburg, 2016, 38–58.

Stradomski J., Dwie nietypowe redakcje Kormczej Św. Sawy w zbiorach rękopisów cerkiewnych w Polsce, *Scala paradisi. Akademiku Dimitriju Bogdanoviĥu u spomen. 1986–2016*, Beograd, 2018, 357–373.

Stradomski J., Dzikowskie księgi Kormcze jako część spuścizny kulturowej prawosławia w państwie polsko-litewskim, *Dzikoviana. Rocznik Muzeum Historycznego miasta Tarnobrzega*, 4, Tarnobrzeg, 2018, 37–54.

Tarasov A. E., Tserkov' i podchinenie Velikogo Novgoroda, *Novgorodskii istoricheskii sbornik*, 12, Moscow, S.-Petersburg, 2011, 71–109.

Temchin S. Iu., Iazyki vostochnoslavianskoi kul'tury Velikogo kniazhestva Litovskogo i Pol'skogo korolevstva i religii, *Religiia i rus'*, XV–XVIII veka, A. V. Doronin, ed., Moscow, 2020, 93–106.

Turilov A. A., «Pravilo i nakazanie o dushegubstve» i Poslanie mitropolita Iony Glezny viazemskomu popu Davydu, *Ot Drevnei Rusi k Rossii novogo vremeni: Sb. st.: K 70-letiiu Anny Leonidovny Khoroshkevich*, Moscow, 2003, 101–107.

Walter Ch., *The Warrior Saints in Byzantine Art and Tradition*, Ashgate, 2003.

Мария Владимировна Корогодина, доктор исторических наук
С.-Петербургский государственный университет
199034, С.-Петербург, Университетская наб., д. 7–9
Россия/Russia
mvmkorogod@gmail.com

Received September 23, 2020